

С.А. Караганов – интервью к 30-летию Института Европы РАН

“БЕЗ ЗНАНИЯ ТОГО, КАК ЖИВЕТ ОДНА КЛЕТКА, НЕВОЗМОЖНО ПОНЯТЬ, КАК РАЗВИВАЕТСЯ ОРГАНИЗМ”

Сергей Александрович Караганов – д.и.н., декан факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, член Совета по внешней политике МИД России, член Научно-консультативного совета при Совете Безопасности РФ, основатель и председатель редакционного совета журнала “Россия в глобальной политике”, член Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ.

В 1990-е гг. в мировом политическом ландшафте произошёл сдвиг, связанный с распадом СССР и рождением Европейского Союза. Как это сказалось на развитии отечественных европейских исследований?

С.А. Караганов: Я был крайне рад, когда в конце 1980, начале 1990-х гг. отечественная европейстика сделала огромный рывок. В тот период мы подошли довольно близко к достоверному пониманию сложных процессов, которые происходили в Европе (тогда ещё не было Европейского Союза, был ЕЭС). До 1980-х гг. исследования Европы были либо негативно политически окрашены – требование тогдашней идеологии – либо идеалистически приукрашивались смелыми людьми. Но в целом, у нас не было адекватного представления о том, что в реальности происходит в Европе. Мы, в Институте Европы, подготовились сами и подготовили группу людей, имеющих трезвое представление о европейской интеграции. Именно в Институте Европы, а он в целом был весьма проевропейским, зародилось движение, которое именовали евроскептиками. Это не были евроскептики в европейском понимании – это были реалисты.

Я был одним из предводителей этой школы. Мы указывали на то, что Европейский Союз делает серию ошибок, что недавно и вскрылось – были заложены мины под фундамент этого великолепного здания. Мы тогда говорили и об угрозах введения евро без экономического и политического союза, и о слишком быстром расширении, которое неизбежно вернётся бумерангом, и об опасностях Общей внешней политики и политики безопасности, которая низвела сильные страны до низше-

го общего знаменателя ЕС. В конце 1980-х, когда европейцы начинали свой проект, у них были Бонн, Париж, в меньшей степени Рим и другие сильные столицы. Сейчас не осталось практически ничего, потому что у стран отняли значительную часть полномочий, а на уровень Европейского Союза эти полномочия не перетекли.

Несмотря на значительные успехи, которых нам в российских международных и европейских исследованиях удалось достичь на начальном этапе, в последующие годы сказался экономический развал в России. Он тяжело ударил и по отечественной европеистике.

Но мы немалого добились, определив закономерности в механизмах действия ЕС. Уже в 2000 гг. молодые специалисты, которые были воспитаны в Институте Европы, около десяти лет успешно отбивали атаки Брюсселя, который стремился перенаправить в свою пользу один из финансовых потоков. За счёт этой деятельности Россия сэкономила более 4 млрд евро. Это многократно окупило все затраты на Институт Европы за годы его существования.

Насколько сегодня сопряжена российская академическая европеистика с образованием?

С.А. Караганов: Ситуация с подготовкой европеистов в России драматическая. Их практически не готовят – это касается и специалистов по Евросоюзу, и страновиков. А они нам очень нужны. И меня эта ситуация крайне беспокоит. Возвращаясь к предыдущему вопросу, удар по отечественной европеистике в 1990-е гг. был нанесён не только тем, что европейские исследования почти не оплачивались. Гранты нужно было получать в Европейском Союзе, что в значительной мере воздействовало на менталитет исследователей и содержание текстов. Не было возможности писать о Европейском Союзе негативно или хотя бы критически. Возникла плеяда людей, которые подневольно транслировали искажённое знание о Европе. Сейчас ситуация начинает выравниваться, и тем не менее, количество и качество людей, которых мы готовим или не готовим, меня беспокоит. Вижу, что мало кем можно заменить тех выдающихся европеистов, которые сейчас преподают у меня на факультете (*Прим. – Факультет мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ*).

В период моей работы в Институте Европы, он был одним из лучших институтов в РАН. Там царил великолепная человеческая и интеллектуальная атмосфера. Мы генерировали немало новаторских идей. Моя жизнь повернулась таким образом, что я переключился на другую деятельность. Стремился найти новые пути продолжать себя как учёного и как общественного деятеля, хотя много помогал и Институту. И несмотря на сложные моменты, Институт Европы выжил, и выжил славно, празднуя сейчас своё 30-летие. Я с удовольствием вспоминаю те романтические годы, когда мы начинали. Сделано было много.

Воспитать интеллектуальную элиту принципиально возможно: она должна быть интеллектуально космополитической, а политически – националистической. Такая элита должна знать иностранные языки и понимать, куда движется мир. И при этом служить своему государству и своему обществу. Только такая элита может побеждать.

Как мотивировать молодых людей изучать Европу?

С.А. Караганов: Изучать нужно не только Европу, а мир и Европу в нём. Европа исторически 500 лет была центром мира. Сейчас ситуация кардинально изменилась. Заканчивается век Европы, век Запада. Европеисты должны отчётливо понимать, что того, что происходит сейчас в мире, не было 20–30 лет назад. Но без углублённых специальных знаний, в том числе, по странам и регионам, не складывается и целостное понимание мира. Нельзя быть специалистом по всему, ничего не зная вглубь. Просто сейчас специальные знания нужно встраивать в другую матрицу. Она отличается от той, которой пользовались люди предыдущего поколения.

Я сознательно (а может, и подсознательно) шесть или семь раз менял направления своих интеллектуальных усилий: от экономики до исследований СМИ, от военной политики до политической экономии. То же самое советую делать и молодёжи. Сегодня информация стала в десятки раз доступнее и дешевле: я помню, что, когда писал докторскую диссертацию, у меня было 2500 сносок, и я вручную делал их все. Сейчас работа исследователей в этом отношении стала гораздо легче. Но это не отменяет и не заменяет скрупулезного знания страны или региона. Повторю старую мудрость: без знания того, как живет одна клетка, невозможно понимание того, как развивается организм.

Роль Европы в мировой политике подвижна. Европа могла бы подать всему миру пример объединения, создавшего новый гуманный миропорядок. Порядок, основанный на компромиссе и учёте интересов меньших стран. Но европейцы в какой-то момент успокоились и потеряли бдительность, что привело к серии промахов. Главная их ошибка заключалась в том, что они не поняли или не захотели понять, куда идет мир. Они отвергли историю, решив, что на них она закончилась, что они достигли “вышей и последней стадии развития”. А мир опять идет к “нормальной” политике – к геополитике. И в нём происходят процессы, через которые Европа прошла 200–300 лет назад. История нескончаема.

В этом смысле Европа оказалась “оторвавшейся” от мира и потому не сумела найти механизмы, посредством которых могла бы передать ему своё позитивное влияние. Экспорт идеологии без опоры на силу не работает. Исторические победы Европы и Запада последних 500 лет оказались возможны в решающей степени благодаря военному превосходству. И сейчас период господства Запада подошёл к концу именно из-за его утраты. В этом одна из глубинных причин той ярости, которую многие европейцы и другие западники испытывают к России. Утрата господства была во многом объективным процессом, ядерный фактор рано или поздно проявил бы себя и здесь, но во главе этого объективного процесса оказалась Россия. Мы – воплощение того, что они потеряли.

Сказывается ли эта ситуация на интеграции российской науки в мировую?

С.А. Караганов: Идёт обоюдный процесс научного обмена. В Институте Европы и в Высшей Школе Экономики реализуются совместные проекты с зарубежными коллегами. Безусловно, нужно переводить российские научные труды на английский язык. Вместе с тем, Россия сейчас воспринимается в Европе как враждебная сила. Её интеллектуальное влияние пытаются ограничивать. Российская наука делает много для выравнивания российско-европейских отношений. Вбрасывается

целый ряд концепций: о новой роли военной силы, о двух новых центрах силы – Большой Евразии и Большой Америке.

Звездный момент у Европы был в начале 1990-х годов, когда зародилась идея *Alliance of Europe*, единого пространства от Лиссабона до Владивостока. Мы, в Институте Европы, очень хотели её претворения в жизнь. Идея стала официальной с опозданием – в середине 2000-х годов. Тому, что она не реализовалась, было много причин. Начнём с себя, то есть с России. О той Европе, к которой мы хотели присоединиться, у нас были довольно идеалистические представления. Мы надеялись на благородство наших партнёров и уступали им во всём. И мы несколько “испортили” наших европейских друзей, внедрив в них мысль, что Россия всегда будет послушным маленьким учеником. Это была трагическая ошибка с нашей стороны.

С западной стороны проводилась неовеямарская политика расширения зоны контроля и влияния. При этом, сама идея сфер влияния Западом отрицалась и до сих пор отрицается. На самом деле, это в высшей степени имперская политика – империя, не навязанная нам танковыми дивизиями, но империя. Её расширение вышло за допустимые пределы и стало угрожать жизненно важным интересам российской безопасности. И Россия, хоть и с запозданием, ударила, остановив скольжение к большой войне, которая в противном случае была бы неизбежна. Западом проводилась жадная и недальновидная политика, но и мы тоже виноваты – слабостью и глупостью.

Только объединив глубину стратегического мышления и ресурсы России со всеми сильными чертами стран ЕС, Европа могла бы стать мировым центром. Без России она им не станет, поэтому в ближайшие 10–15 лет её будут “растаскивать” между Атлантикой и новым Евразийским центром, ключевым игроком которого, вероятнее всего, будет Китай.

Какое воздействие на Европу и российско-европейские отношения оказывает меняющаяся роль США?

С.А. Караганов: В начале 1990-х годов американские мессианские мечты воплотились в реальность: США обнаружили себя в тот период абсолютным гегемоном мира. Затем предсказуемо произошёл ряд неудач. Начав проецировать свою мощь посредством военной силы, США политически проиграли подряд три войны – в Афганистане, Ираке и Ливии. Финансовый кризис 2008 г. выявил, что экономическая модель, которую США предлагали миру, не вполне дееспособна. В дополнение к этому, расширение и поддержание американской империи стало слишком дорогим как для американской элиты, так и для значительной части американского населения.

И Америка стала “уходить в себя”. Тенденция к этому была видна и при Обаме: то, что он предлагал, – лишь более интеллигентный вариант того, что сейчас делает Трамп. Америка уходит в себя не окончательно: будут имперские вспышки, но пока, уходя, США уходят и из Европы. В Европе американский уход вызывает панику – рухнет тот чрезвычайно комфортный мир, который европейцы построили во многом под американским “щитом и зонтиком”. Играть самостоятельную роль в мире и платить за это европейцы не хотят.

Я надеюсь, что центробежные тенденции, появившиеся уже в Европе на уровне общества, не приведут Европу к распаду. Европейский проект длительное время находился в движении к федерации. Подошли слишком близко, и силы иссякли – они на тот момент были исчерпаны бесплодными расширениями. К тому же некоторые страны-члены оказались не готовы к интеграционному рывку. Состояние Европы будет зыбким и изнутри, и вовне. Это скверно и для отношений между Россией и Евросоюзом: нам бы хотелось иметь дееспособного партнёра, а его нет и не ожидается в ближайшей перспективе.

К тому же значительная часть европейских элит считает, что, когда ткань интеграционной материи расплзается, нужен внешний враг. Поэтому на 80% санкции – это производная от потребности во “внешних скрепах”. И здесь появляется, в их представлении, “враждебная Россия”, которая на самом деле враждебной им не является – Россия лишь предлагает альтернативные варианты политического действия и заботится о коренных интересах своей, а значит, и европейской безопасности. Часть европейцев сознательно желали ухудшения отношений с Россией, а часть – туда, как говорится, “*sleep walked*”, то есть зашли с закрытыми глазами. Оправданием было стремление Украины в ЕС, воспринимавшееся как доказательство привлекательности шатавшегося европейского проекта.

Антироссийские настроения будут по-прежнему сильны, хотя на некоторых направлениях ослабление санкций возможно. Нужно спокойно и без раздражения относиться к ситуации, с сочувствием понимая слабость наших соседей. Необходимо продвигать сотрудничество на тех уровнях, где это возможно (наука, культура, человеческие связи, бизнес). Осознавать, что ничего существенного совместно сделать пока нельзя, и начинать подспудно готовиться к налаживанию отношений с Европой на новой – Большой Евразийской – основе лет через пять.

Наш евразийский интеграционный проект был изначально нацелен на то, чтобы использовать опыт европейских норм и институтов, чтобы выстроить аналогичную структуру вокруг России, а затем интегрировать её с Европой. Эта задумка не воплотилась в силу политических обстоятельств, и теперь мы будем интегрироваться с Азией. А потом, через шаг, возможно, будет новое – уже Евразийское – сближение с Европой.

Как вы видите соотношение хаоса и порядка в Европе и мире?

С.А. Караганов: Многополярность, к которой мы некогда стремились, мы получили в виде непредсказуемости и хаоса на многих направлениях. По миру, уходящему в прошлое, сильна ностальгия. Но он не вернётся. Трещит либеральный экономический порядок – *liberal economic order*. Начинается процесс деглобализации и активизации использования экономических процессов и инструментов в политических целях. Во главе этой трансформации стоят США – они увидели, что та глобализация, которую они запустили, теперь приносит больше выгод другим странам.

Глобализация мощно подтолкнула процесс ренационализации мировой политики: общества бросились к своим государствам, которые стали слабее, чем раньше, но всё равно могут защитить своих граждан. Это крайне интересный процесс. И если ещё лет 30 назад мы считали, что движемся к мировому правительству, вышло ровно наоборот.

Рушится и пятнадцатилетний – с 1991 по 2007 г. – “либеральный мировой порядок” гегемонии Запада. Россия разрушает этот порядок, поскольку он: а) не выгоден России; б) не справедлив и антилиберален – лишает страны и народы права выбора; в) он худший из беспорядков. Что касается США и Европы, швы расходятся и на уровне военно-политическом, и, что самое важное, на уровне идеологическом. США и ЕС движутся в разных направлениях. Европа идёт в сторону большей терпимости, направление развития Соединённых Штатов иное. Видимо, начинает сыпаться и Атлантический мировой субпорядок. Наряду с этим меняется конфигурация Ближнего Востока, зарождается новый, “вестфальского типа”, порядок в Большой Азии.

В Европе создана мощная база взаимозависимости, и я не думаю, что возможно возвращение к национальным государствам. Это было бы трагедией для Европы и трагедией для России. Европа для России и для всего мира уже становилась источником катастроф: именно в Европе за одно поколение были развязаны две мировые войны.

Надежды на то, что мир сплотят транснациональные корпорации, не сбылись: национальные государства по сей день их перекрывают. Мы видим послушно марширующие транснациональные корпорации, покорно подчиняющиеся санкциям. ТНК и так называемое глобальное гражданское общество все больше “национализируются”, становясь рычагами национальных государств.

Каков ваш прогноз будущего мировой политики?

С.А. Караганов: Мировая политика всё ближе подходит к базовому уровню – это отношения военной силы. Там тоже происходят тектонические сдвиги: уже произошло расширение ядерного клуба, и я думаю, оно будет продолжаться. Через 10–15 лет будет достигнут новый баланс сил, который исключил бы возможность ведения глобальных войн. Это возможно только с помощью укрепления взаимного ядерного сдерживания посредством прямого контакта между военно-политическими истеблишментами ведущих стран. Укрепление ядерного сдерживания, в том числе через сеть диалогов – главное направление борьбы за мир.

Глобальная оцифровка экономики постепенно приводит к изменению сознания и даже человеческого психотипа, добавляя мировой политике новый, мощнейший элемент непредсказуемости. Это актуализирует вопрос обращения к военной силе со стороны отстающих государств. Не имея ещё более продвинутых технологий, противопоставить искусственному интеллекту можно только военную силу. В выстраивании международных связей необходимо будет стоять на твёрдой почве баланса страха, дозируя доверие при сотрудничестве. Но разумная опора на сдерживание в конечном итоге не исключает уважения и даже любви. Как это и происходит во многих хороших семьях.

Беседовала *Голофаст Анастасия*, магистр МГИМО (У) МИД РФ, аспирантка сектора истории политической философии Института Философии РАН, член IPSA (RC 28 “Federalism and Multilevel Governance”), член IAPSS.